

Автор: Усовская Э.А. – кандидат культурологии, доцент, завкафедрой культурологии Белорусского государственного университета

Дата публикации: 2016.

Издатель: Вести Института современных знаний имени А.М. Широкова. – № 2. – С. 100–104.

Дискурс постмодернизма и межкультурные различия в контексте диалога

Рецензент **МАРТЫНОВ В.Ф.**, доктор культурологии,
профессор, завкафедрой культурологии
Института современных знаний имени А.М. Широкова

В статье определяются общие для постмодернизма и межкультурных различий основы. В качестве общей установки для них полагается диалог, который рассматривается в качестве коммуникации равноправных культур и обществ, нацеленной на взаимопонимание.

The article defines common to postmodernism and cultural differences the basics. As a General guideline for proper dialogue, which is regarded as an equal communication of cultures and societies, aimed at understanding.

Введение. Активный этап изучения постмодернизма как дискурса, концепции, парадигмы пришелся на 1960 – 1990 гг. В 2000-х гг. некоторые его аспекты стали предметом исследования З. Баумана, В. Вельша, И.П. Ильина, в белорусской науке М. А. Можейко, Э. А. Усовской. Однако вопросы, поставленные в рамках постмодернизма, оказались актуальными и для ученых, чье внимание было сосредоточено на выявлении уникальности этнонациональных культур, их ценностных систем, на критериях межкультурных различий – М. Херсковица, К. Гирца, Г. Хофстеде, Ф. Тромпенаарса и Ч. Хэпден-Тёрнера и многих других. Диалоговый подход

объединяет эти, на первый взгляд, абсолютно разные дискурсы – межкультурных различий и постмодернизма.

Цель статьи – определить общность позиций постмодернистского дискурса, установок межкультурных различий и диалогового подхода понимания культуры.

Основная часть. Постмодернизм сегодня уже не является той актуальной концепцией, которой он был два-три десятилетия назад. Тем не менее его установки оказали существенное влияние на ментальное поле культуры Европы и всего мира, актуализировали проблемы самооценности национальных культур и личности, признания межкультурных различий как условия межнационального и межгосударственного понимания.

Постмодернизм как тип мировоззрения, охвативший все формы культуры, развивался в условиях восстановления человеческой цивилизации после Второй Мировой войны на фоне массовых социальных и контркультурных движений 1960-х гг., в период формирования постиндустриального общества. Как нам представляется, он еще раз подчеркнул необходимость пересмотра ценностной парадигмы культуры новоевропейского типа, становящегося информационного общества и культуры постмодерна. Поэтому постмодернизму изначально присущ критицизм, острие которого было направлено, с одной стороны, на Модерн, а с другой – на массовое сознание, мышление и, в целом, культуру второй половины XX века, отличавшуюся ростом потребления, информатизацией и симуляционностью. При этом постмодернистский критицизм не отвергал, а предполагал сосуществование разных мнений и позиций, форм бытия культур, в конечном итоге идеалистически веря в возможность равноправного плюралистического мира. Неудивительно поэтому «целостная эклектичность» постмодернизма, сочетание в нем черт и атрибутивных характеристик Модерна, модернизма, постмодерна с их одновременной критикой. Постмодернистский дискурс встраивается в пространство постмодерна, представляющего собой, по словам З. Баумана, «вторую

современность», которая обладает «текучестью» и неопределенностью [1, с. 32–35]. Поэтому и постмодернизм обладает качествами неопределенности.

Постмодернистский дискурс обладает ярко выраженным характером рефлексии. Практически каждый из тех, кто относил или кого относили к постмодернизму, стремился понять суть произошедших катастроф первой половины XX века, прежде всего, Второй Мировой войны. Ж. Деррида ставил вопрос о возможности существование культуры, человеческой цивилизации после тоталитарных режимов и войн, после Освенцима. «От предшествующих деспотических режимов, – вторит ему российский исследователь Михаил Герман, – тоталитаризм отличается своей двусмысленностью. Вряд ли участь строителей пирамид была легче участи узников сталинских лагерей. Но египетская деспотия не рядилась в демократические одежды, бесправие раба или нищего крестьянина подразумевалось. Гитлеровский геноцид цинично декларировался, советский – с неменьшим цинизмом – замалчивался» [2, с. 355].

Когнитивно-антропологической и культурологической основой постмодернизма стали релятивизм и постструктурализм. Мировоззренческий универсальный концепт «или–или» сменился на «и–и». Жесткая структурация была заменена на аструктурность, централизация на децентрализацию, логоцентризм на поэтическое мышление. Однако кажущиеся обязательными на первый взгляд алогичность и асистемность как кредо постмодернизма таковыми не являются – постмодернизм не отвергает принцип системности и рационализм, он предлагает их другую трактовку, выдвигая на первый план идею постоянного движения-становления. По этому поводу, Ж. Делёз, в частности, писал: «На самом деле системы, строго говоря, ничего не утратили из своих жизненных сил. В наши дни в науках или логике имеется все необходимое для того, чтобы были созданы теории так называемых открытых систем, основанных на взаимодействиях, которые отвергают линейную причинность и преобразуют понятие времени» [3, с. 49].

Для постмодернистского дискурса чрезвычайно важное значение имеют категории Другого, Иного, репрезентированные ранее в концепциях М. Бубера, М. Хайдеггера, М. Бахтина, В. Библиера. Иное, Другое рассматривается не в качестве оппозиционного или враждебного, правильного и неправильного, а как дополнение к существующему, в контексте сосуществования объектов, людей, групп, культур. Выявление инаковости Другого стала одним из аспектов деконструкции, понятия, атрибуция в рамках постструктуралистского-постмодернистского дискурса которому была дана Ж. Деррида. Она ориентирована не на деструкцию, разрушение, не на отрицание или забвение прошлого, а на инаковость, опирающуюся, как справедливо указывает Н. Маньковская, на память [4, с. 19]. Память же культуры, человечества представляет огромный многомерный текст, включающий и прошлое, и настоящее, и будущее, палитру, палимпсест универсального и индивидуального, общемирового и национального. Гипертекстуальность культурного текста, таким образом, вмещает в себя разнообразие культурных форм.

Естественным образом возникает вопрос о способах и возможностях взаимодействия между ними. Одним из сценариев его обсуждения является диалог, первый шаг на пути к которому – признание межкультурных различий. Релятивизм постмодернизма подготовил своего рода платформу для этого. Позиции Р. Рорти, М. Херсковица, как в целом, идеи французской школы постструктурализма-постмодернизма в конечном итоге постулировали признание равноправия культурных ценностей, созданных и создаваемых разными народами. Это предполагает признание самостоятельности и полноценности каждой из культур, отрицание абсолютного значения евро-американской системы оценок, принципиальный отказ от европоцентризма при сравнении культур различных этнических общностей. Еще раз отметим, что речь идет о равноправном статусе культур, а значит, и об отказе от любых форм этнического, религиозного,

национального «центризма» – не только западноевропейского или американского, но ориенталистского (восточного) и т.п.

Межкультурные различия представляют собой отличия между этнонациональными культурами в системе оценок каждой из них окружающего природного и социального миров, выраженной в ценностях, когнитивной и поведенческой моделях. В конечном итоге каждая культура выстраивает свой собственный вариант адаптации к миру. Как полагают Фонс Тромпенаарс и Чарльз Хэпден-Тёрнер, «в каждой национальной культуре мира такие явления, как власть, бюрократия, творчество, товарищество, доверие и ответственность, воспринимаются по-разному. Описывая их, мы используем одни и те же слова, однако забываем о том, что смысл в каждом случае вкладывается разный и то, что привычно для нас, далеко не всегда привычно (или прилично) для людей иной национальной культуры» [5, с. 11–12].

Признание межкультурных различий, как минимум, означает: толерантное отношение к «чужой» системе ценностей; признание уникальности культур; отказ от любых форм дискриминации; равноправие культур.

Понимание того, что культуры друг от друга отличны, представляют разные «вселенные» открывает путь к диалогу. При этом диалог не означает, как указывал В.С. Библер, разные формы речевой коммуникации (научный, бытовой, моральный и т.д.): «В «диалоге культур» речь идет о диалогичности самой истины (...красоты, добра...), о том, что понимание другого человека предполагает взаимопонимание «Я – Ты» как онтологически различных личностей, обладающих – актуально или потенциально – различными культурами, логиками мышления, различными смыслами истины, красоты, добра... Диалог, понимаемый в идее культуры, – это не диалог различных мнений или представлений, это – всегда диалог различных культур» [6, с. 182]. Сущность культуры, бытие народа раскрывается «как диалог с другими народами, в котором народ только и может обрести свое “я”» [7].

Таким образом, формирование культуры, ее развитие, самопознание и взаимодействие с другими культурами осуществляются через постоянный диалог. При этом под диалогом культур понимаются диалогические отношения, то есть те, которые направлены на межкультурное понимание. Понять Другого, другую культуру можно при условии ее познания. Культура раскрывает свои смыслы, паттерны через постоянно записывающийся текст, который обладает уникальной конфигурацией и этосом и подвергается постоянному толкованию как со стороны субъектов своей культуры, так и со стороны носителей других культур. Познание собственной культуры осуществляется через познание «чужой» культуры, то есть требует постоянной коммуникации. Если эта коммуникация не направлена на понимание, то диалог как таковой не состоится.

Может ли в настоящее время происходить диалоговая коммуникация как межкультурное взаимодействие на основе признания культурной уникальности, различий, равноправия, взаимопонимания? Где граница, которая пролегает между культурной индивидуальностью, релятивизмом норм, ценностей национальной культуры, с одной стороны, и универсальными ценностями, правами, свободами личности – с другой? Что нужно сделать для того, чтобы цивилизации и культуры пришли к диалогу? Эти и многие другие вопросы во втором десятилетии XXI в. звучат как никогда актуально, поскольку вызваны усиленной трансформацией цивилизаций и культур в ситуации глобализации, гибридизации и т.п., которая приводит к их столкновению и оппозиции.

Проект постмодернизма, представленный в том числе, как нам видится, культурным плюрализмом в виде сосуществования постоянно «разговаривающих» между собой культур, не удался: он оказался идеалистичным, возможно и утопичным. Умение цивилизаций и наций жить в единстве при их разнообразии пока не выработано. Толерантность, мультикультурализм как парадигмы второй половины XX в. подвергаются явному пересмотру. Проблема межкультурного понимания остается

открытой для осмысления и практического решения. Поэтому, как ни парадоксально, дискурс постмодернизма, несмотря на его повышенную рефлексивность и ироничность, также остается актуальным. Как и диалоговая интерпретация бытия, культуры, личности, он (особенно поздняя версия) настаивает на взаимодействии и понимании. Так, еще К. Гирц, М. Херсковиц (при условности отнесения их концепций к постмодернистским) отмечали необходимость диалога как способа познания культуры и культур, их постоянного обновления и развития, как способа бытия личности, ее роли в создании и развитии культурных форм.

Особое понимание диалога принадлежит В. Библеру. Развитие цивилизации осуществляется в направлении от «логики науки к логике культуры». Это означает трансформацию человеческого разума, который становится «разумом диалогическим». Такого рода разум находится в постоянном движении – от самопознания до познания других, что возможно только в форме общения-диалога. Диалоговый разум представляет собой открытую систему, саморазвивающуюся и постоянно обновляющуюся. Он не линейен, то есть в ему не присуща последовательность сменяющих друг друга логик: «Логик, ранее выступавшие и координированные последовательно, поступательно, в XX веке проясняются в их одновременном общении, в диалогике самостоятельных Разумов» [6, с. 2]. Это значит, что такой разум многомерен, не зажат в тиски одномерности и однозначности. В онтологическом смысле культура есть произведение, текст, содержание и границы которого постоянно расширяются, наполняются разными смыслами и голосами. Об этом свидетельствует и сам смысл и конфигурация европейской культуры: «В одной точке сосредотачиваются и взаимоопределяют друг друга античный, средневековый, новоевропейский духовные спектры, опять-таки обнаруживая свое одновременное (собственно культурное) бытие» [6, с. 142].

При этом каждая культура представляет свой собственный разум, свой вариант познания бытия, свою логику. Взаимное существование таких

разумов и логик возможно в режиме диалога. Поэтому диалог предстает как диалог логик, культура как диалог, а логика как диалог культур.

В. Библер полагает, что уже в перипетиях XX в. и рождающегося XXI в. намечается возможность времени логики культуры как общающихся разумов. На это указывает «... смещение и сближение современных культур Запада и Востока, Севера и Юга, Европы, Азии, Африки, Латинской Америки. Сближение и взаимообоснование этих спектров в сознании и мышлении каждого современного человека. На грани такого сближения сама идея культуры (как грани культур) приобретает решающее экзистенциальное значение в нашем повседневном сознании и бытии» [6, с. 142].

Идеи многомерности бытия, бытия и культуры как интер- и гипертекста, децентрации, как и отказ от логоцентризма, наиболее ярко выраженные позициями Делёза и Деррида, как очевидно, обладают точками соприкосновения, сходством с диалоговой парадигмой Библера.

Конец XX – начало XXI вв. как вызов на угрозы терроризма, межкультурных и межконфессиональных столкновений вновь выдвигает в качестве альтернативы диалог. Диалог культур объявляется общей цивилизационной стратегией, который, по словам В. С. Стёпина, создает синергетический эффект. Новая рациональность «делает возможной позицию равноправия всех систем “отсчета” (базисных ценностей) и открытости разных культурных миров для диалога» [8, с. 21].

Заключение. 1. Дискурс постмодернизма, в целом, не утратил своего значения и в начале XXI в. Это вызвано его мировоззренческими установками в виде идей равнозначности и равноправия разных культур, нацеленности на постоянную коммуникацию между ними, представлений о бытии, мире как о многомерном тексте (открытой системе).

2. Признание утверждения о межкультурных различиях как объективной данности имеющихся уникальных особенностей каждой из культур при наличии общих универсалий является во многом заслугой дискурса постмодернизма.

3. Дискурс постмодернизма и диалоговый ракурс осмысления культуры и личности обладают общностью. Она заключается в нацеленности на понимание и взаимодействие вследствие признание постоянного присутствия Другого, инаковости культур и личностей.

1. Бауман, З. Текущая современность / З. Бауман. – СПб.: Питер-Пресс, 2008. – 238 с.
2. Герман, М. Модернизм. Искусство первой половины XX века / М. Герман. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 480 с.
3. Делёз, Ж. Переговоры, 1972–1990 / Ж. Делёз. – СПб.: Наука, 2004. – 234 с.
4. Маньковская, Н.Б. Эстетика постмодернизма / Н.Б. Маньковская. – СПб.: Алетейя, 2000. – 348 с.
5. Тромпенаарс, Ф. 4 типа корпоративной культуры / Ф. Тромпенаарс, Ч. Хэмпден-Тернер. – Минск: Попурри, 2012. – 527 с.
6. Библер, В.С. От наукоучения – к логике культуры (Два философских введения в двадцать первый век) / В.С. Библер. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – 413 с.
7. Кожинов, В.В. Великий творец русской культуры XX века / В.В. Кожинов // Судьба России: вчера, сегодня, завтра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pereplet.ru/avtor/kozhinov.html>. – Дата доступа : 10.04.2016.
8. Стёпин, В.С. Проблема типов цивилизационного развития / В.С. Стёпин. – М.: РАГС, 2004. – 36 с.